

РАССКАЗЫВАЕТ АСЛАМАС

Почти каждому в республике знакомо это имя. Огни, и их большинство — знают Анисима Васильевича Асламаса как известного композитора, другие — как неугомонного гражданина: его горячие отклики на происходящие события и хроническая обида за незаслуженно низкую оценку своего творчества часто вылескиваются на страницы республиканской печати. Несмотря на свой солидный возраст, он неумом и энергичен. Несколько излишняя эмоциональность, сквозящая в его высказываниях и определенно мешающая завоевывать «место под солнцем», возможно, помогает ему в творческом процессе. Некоторые считают композитора недостаточно талантливым, другие — талантливым безусловно. Выслушаем же самого Анисима Асламаса.

— Анисим Васильевич, за 55 лет композиторской деятельности Вы создали множество произведений в различных жанрах. Помните ли Вы свое первое сочинение?

— Да, это была песня. Я сочинил ее в возрасте пяти лет и называлась она «Самовар». Отец — бомбардир-наводчик во время империалистической войны, в 1914 году, будучи в плену, из Австрии привез желтый самовар с кружками, который впоследствии и вдохновил меня на создание этого «опуса».

— Ваше детство и юность пришлись на тридцатые годы — эпоху коллективизации, время голода и репрессий. Тогда мало кто имел возможность продолжать свое образование...

— Нас было семеро детей и учились все отлично, кроме меня, но зато я лучше всех играл на гармошке. Все братья и сестры спустя много лет стали педагогами, и старший брат Викторин уже тогда всех просто поражал своими успехами в учебе — он переходил из третьего класса в пятый, а из пятого — в восьмой. После окончания школы поступал в пединститут вместе со своим учителем, так вот учитель не был принят, а брат сдал все экзамены на «отлично» и был зачислен на физико-математический факультет. Я окончил семь классов в тринадцать лет, и из-за моего малого возраста меня никуда не принимали, а учиться хотелось. По совету стар-

шего брата я поступил в музтехникум, который тогда находился на Волге. Так началась моя студенческая жизнь.

— Когда началась война, Вам не было и семнадцати...

— Я был студентом третьего курса. Во время экзаменов мы услышали выступление Молотова о начале Великой Отечественной войны. У меня сохранился дневник тех дней. Осенью мы снова приступили к занятиям, но уже через месяц нас попросили освободить помещение, и я вернулся в деревню. Работал там до призыва в армию. Осенью 1942 года отец отвез меня на станцию Вурнары, оттуда нас отправили в запасной полк в марийские леса. Мы строили огромные землянки, кормили нас одной баландой, было страшно сыро и холодно. Солдаты стали дезертировать, многих расстреливали перед строем полка. Через полвека мы узнали, что нас должны были отправить под Сталинград, но приезд товарища Ворошилова изменил планы, и нас, солдат со средним образованием, отправили в Ярославль, в пехотное училище. Не завершив учебу, мы попали на фронт, под Тулу. Началось самое страшное. Это — Орловско-Курская дуга. Каким-то чудом выжил, прошел земли Белоруссии, Восточной Пруссии, Польши, дошел до самой Эльбы. Не раз был ранен и контужен. После падения Берлина попал в госпиталь, затем служил командиром роты ох-

раны в лагере в Лукенвальде, в семидесяти километрах от Берлина. Американцы нам сдавали наших советских граждан-репатриантов для отправки их на Родину. Там были в основном украинцы. Были и певцы из киевской оперы, совместно с которыми мы ставили концерты художественной самодеятельности. В августе меня демобилизовали по болезни, вследствие ранений и контузий.

— И Вы поступили в киевскую консерваторию по совету украинских друзей...

— Да. Тогда я неплохо играл на аккордеоне, сочинял песни. Меня прослушали украинские композиторы Ревуцкий, Козицкий, Вериковский, Скороульский, Виленский и др. Я был принят в класс композиции профессора Лятошинского Бориса Николаевича — классика украинской музыки, чье столетие отмечалось в этом году. На третьем году обучения заболел — приходилось ежедневно ездить на подножках пригородных поездов, двадцать пять километров туда и столько же обратно, это было тяжело, особенно зимой. Дали о себе знать фронтовые ранения. Я вынужден был покинуть славный город Киев. Попрощавшись с украинскими друзьями, в августе 1948 года приехал на родину в Чувашию.

— Как складывалась Ваша семейная жизнь?

— Я много работал — в ТЮЗе, пединституте, музучилище, но творчество всегда оставалось моей основной работой. Вскоре женился на артистке ТЮЗа Нине Карповой. У нас родилась дочь Женя. Семейная жизнь не сложилась. В 1953 году женился повторно — на артистке хора Марии Васильевне, от которой родилась дочь Таня. Спустя пять лет, за год до окончания Московской консерватории, появился сын Леша. Мои дочери трудятся в музучилище им. Ф. Павлова, имею взрослых внуков, а сын Алексей

Асламас, окончив Казанскую консерваторию, как пианист, и Петербургскую, как оперно-симфонический дирижер, уехал работать в Чехию, где и живет с семьей по сей день. Воспитанием детей и внуков в основном занимается жена, Мария Васильевна. Она тоже имеет высшее музыкальное образование: окончила Саратовскую консерваторию им. Собинова. В последнее время работала звукорежиссером на ЧТВ. Мария Васильевна — заслуженный работник культуры ЧР, лауреат Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года.

— Как Вы сами оцениваете свое творчество?

— Как известно, значимость и ценность музыканта или композитора определяется амплитудой его творчества. Хвалиться не люблю, но от правды не откажусь. Чувашская рапсодия для фортепиано с оркестром, концерт для гобоя, концерт для трубы с оркестром, космическая симфония, баллада «Песни далеких предков» для фортепиано, отрывки из первой чувашской оперы-балета «Нарспи», песни и хоры давно стали достоянием многих союзных республик. А камерный концерт, посвященный Ю. Темирканову, и Сюита для ксилофона с фортепиано «Пошнарские песни» изданы в Москве и давно перешагнули границы СНГ. Они записаны в Японии, звучат в других странах. В Москве издано пять моих авторских песенно-хоровых сборников, а в Чувашии — целых девять.

— Годы учебы в московской консерватории и общения с такими корифеями советской музыки, как Шостакович, Хачатурян, Шапорин, Кабалевский, Раков и др., не оказались бесплодными. Мною создано свыше десяти опер, балетов и музкомедий, сотни песен, хоров, романсов, инструментальных миниатюр, а также десятки крупных вокально-симфонических произведений. Мне принадлежит первая опера-балет

«Нарспи» (1956 г.), первая оратория, первая чувашская рапсодия, первые концерты для фортепиано с оркестром и др. Написаны сотни критических материалов о музыке и публицистических статей.

Я всегда старался простыми, доступными музыкальными средствами добиваться выразительного воплощения значительных и глубоких по содержанию мыслей. Я против пошлости, примитивности чувств в музыке — за здоровое и мудрое содержание, за высокий профессионализм, естественность голосоведения, за яркость и запоминаемость. Для меня главное — мелодия. Моцарт писал: «Мелодия — душа музыки», а Рахманинов добавлял: «Мелодия — не только душа, но и сама музыка». Техника — второстепенна.

— На Ваш взгляд, в каком состоянии наше музыкальное искусство?

— Думаю, оно требует возрождения. Меня очень беспокоит то, что сегодня самодеятельная, так называемая чувашская «дурацкая эстрада» вытеснила подлинное музыкальное искусство. Средства массовой информации захлеб пропагандируют эту «заразу» как некое достижение чувашской музыки. Это — признак духовного падения общества. О государстве судят по его культуре. Настало время открытия в республике консерватории, создания полноценного симфонического оркестра на базе камерного. Сегодня закрываются убыточные предприятия, к таким относится и наш муздрамтеатр. Его необходимо на время законсервировать и затем открыть как национальный оперный театр. Распустить такие непрофессиональные коллективы, как «Чăвашьен», «Ялан», «Сеспель» и прочие, компрометирующие чувашскую музыку. Надо создать Союз чувашских артистов и музыкантов вместо Союза композиторов, Ассоциации композиторов, муз. общества РНМЦ, Союза концертных деятелей и прочих,

— т. е. объединить все музыкально-театральные силы, а во главе должен стоять высокообразованный музыкант, но не вокалист. Хорошо бы собрать всех музыкантов, дирижеров, композиторов, покинувших вынужденно Чувашию в разное время, а их немало. Вот чем должно заниматься Министерство культуры.

— С большим размахом было отмечено 50-летие Победы, потрачена довольно ощутимая часть народных денежных средств, и это в то время, когда многие ветераны живут буквально впроголодь, а в собственной стране идет война и льется кровь. Не кажется ли Вам кощунством, что правительство одной рукой чествует ветеранов, а другой — посылает на смерть их внуков?

— Я признаю только одну войну — Великую Отечественную, войну против поработителей. А Чечня — это не война, а глупость. Нельзя воевать со своим народом. Воевать надо с беспорядком, коррупцией, преступностью, пьянством... Какой толк оттого, что был разрушен в Москве Белый Дом, теперь — город Грозный, погибло десятки тысяч молодых здоровых людей, пострадало мирное население. Это — антинародная война. Она происходит от низкой культуры руководителей, от непонимания истинных ценностей на земле. И. С. Тургенев писал: «Искусство выше и несомненное римского права и принципов Великой французской революции». А многие ветераны Великой Отечественной действительно живут впроголодь.

— Почему Вы часто пишете свою фамилию латинскими буквами и ставите римскую единицу?

— В мировой практике вся музыкальная терминология, в том числе и фамилии авторов пишутся на латыни, а многие мои произведения перешагнули пределы России. Что касается единицы — дети и внуки стали моими наследниками в музыке. Все они музыканты, будущие композиторы, дирижеры, пианисты,

скрипачи. Поэтому я — А. Aslamas I, а сын тогда — А. Aslamas II, а имена внуков тоже начинаются с буквы «А» — Алеша (А. Aslamas III) и Антон (А. Aslamas IV).

— Рядом с именами каких композиторов Вы могли бы поставить свое?

— Только рядом с собой. Но мне очень близко творческое суждение Хачатуряна, особенно по части национального аромата в музыке и в смысле содержания.

— Передо мной список Ваших произведений из 67 пунктов, не принятых к оплате худсоветом. Какие тому причины?

— Для номенклатуры свойственно было создавать искусственное общественное мнение. Так было с некоторыми нашими чувашскими композиторами-номенклатурщиками и их творчеством. Все это мне было чуждо, и я не вписывался в общепринятые рамки. К тому же, критически высказывался в адрес их покровителей. В результате, за независимые суждения — унижения и издевательства со стороны начальства, в течение сорока лет были незаслуженно отклонены худсоветом 67 произведений. Моя работа оплачивалась по минимуму. Мое творчество неверно освещалось в книгах и газетах, за 55 лет творческой деятельности я ни разу не был представлен к премии, девяносто процентов моего творчества не записано в фонд, или записано с искажениями. От моих песен и хоров ломаются полки библиотеки хора радио десятки

лет. О театре и говорить не хочется. В результате номенклатурной политики развелось сотни дутых авторитетов — их карьера недолговечна, слава сопутствует им лишь при жизни.

— Что Вы думаете о себе?

— Я несколько отличаюсь от других из-за специфики моей профессии. Художник должен обладать незаурядным творческим воображением, чем оно глубже, тем лучше. Ведь искусство, особенно музыкальное — это сплошное чувство. Я — человек и ничто человеческое мне не чуждо.

— Как рождается музыка?

— Творческий процесс у меня очень сложный и мучительный, я очень требователен к себе и исполнителям. Свою чувашскую рапсодию я совершенствовал со дня ее появления на свет божий, всего сделано двенадцать редакций. Над оперой «Иван Яковлев» работаю с 1972-го года, а конца не видно. Песенки сочиняются в любое время. Вообще, все в творчестве зависит от настроения.

— Вы написали письмо Президенту ЧР Н. В. Федорову...

— Да, в нем я выдвинул ряд требований: свет ramпы моим произведениям, фондовая запись моих опер и балетов, публикация всех моих научно-критических статей, индексация пенсии, работа над развитием чувашского национального музыкального искусства.

Беседала С. ФЕДОТОВА